
К ПОРТРЕТУ ХРАНИТЕЛЯ

«Тень Пушкина меня усыновила...»

А. Ф. Онегин

Пушкинский фонд — сердце Пушкинского Дома. Его документы имеют фундаментальное значение не только для истории литературы, но и для русской культуры в целом, и на человеке, который является его хранителем, лежит высокая миссия — беречь для настоящего и грядущих поколений светоносные и живые рукописи Первого поэта России. Не вызывает сомнений, что тот, кто по праву занимает это место, — избранник, и должен быть наделен особыми дарованиями, необходимыми для такого служения.

8 января 1985 года Татьяна Ивановна Краснобородько, назначенная вместе с А. В. Дубровским на должность хранителя Пушкинского фонда, переступила порог Рукописного отдела. Она очень быстро и органично вошла в его «труды и дни». Надежная, совестливая, наделенная острым и глубоким умом, — к ней сразу стали обращаться за советом в сложных житейских и профессиональных ситуациях. Все сознавали, что перед нами, несмотря на молодость, вполне сложившийся, зрелый человек и ученый.

Очень быстро произошло становление Татьяны Ивановны как архивиста. Пользуясь методическими пособиями и прибегая к помощи опытных сотрудников, она изучила все, что необходимо знать хранителю: правила архивной обработки, документацию вверенного ей фонда и сопутствующие документы научно-справочного аппарата отдела. Но были у нее и другие наставники. Занимаясь историей Пушкинского фонда, отыскивая сведения для комментариев к своим работам, Татьяна Ивановна дни за днями проводила в читальном зале Архива Академии наук, куда были переданы

делопроизводственные документы Пушкинского Дома ранних лет. Акты о поступлении рукописей, музейных предметов, книжных собраний, письма и рапорты главного хранителя Пушкинского Дома Б. А. Модзалевского, отчеты о командировках М. А. Гофмана, П. М. Устимовича и других, — всего не перечислить. За этими бумагами стояли судьбы первых сотрудников и собирателей Пушкинского Дома, нередко трагические.

На протяжении лет Татьяна Ивановна много писала о первоначальном периоде формирования Пушкинского Дома. Среди важнейших работ на эту тему — публикация дневника Б. А. Модзалевского 1908 года,¹ в котором запечатлены события, связанные с его поездкой в Париж для описания пушкинского музея А. Ф. Онегина; подготовленные ею к печати вместе с Л. К. Хитрово записные книжки Бориса Львовича² с отдельным обширным и чрезвычайно ценным комментарием; статья «Парижский Пушкинский музей и его хранитель»³ и др. Так, постепенно накапливая и усваивая опыт тех, кто собирал и изучал рукописное наследие Пушкина, она стала живым звеном в цепи преемственности, ответственной и компетентной продолжательницей начатого ими дела.

Благодарность предшественникам, учителям и наставникам — очень важное качество Татьяны Ивановны, но нужно назвать еще одну яркую, поистине определяющую черту ее характера. В связи с этим хочется вспомнить забавный эпизод из нашей молодости. В 1987 году в Ленинград вернулась из эмиграции живая легенда — поэтесса Ирина Одоевцева. Заведующая и двое сотрудников Рукописного отдела побывали у нее, договорились о передаче архива и с тех пор продолжали навещать в доме на Невском, 13. Ирина Владимировна любила тестировать своих визитеров «по Фрейдю», и этот ее излюбленный тест сразу же был испытан на молодежи отдела. Один из вопросов — «какой образ возникает первым при слове “вода”?» — означал отношение человека к феномену жизни. Отвечали по-разному, но чаще всего варьировались «бескрайнее море», «широкая река», была даже вода из-под крана.

¹ Дневник Б. А. Модзалевского 1908 г. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 9. С. 450—465.

² Модзалевский Б. А. Из записных книжек 1920—1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 7—191.

³ Парижский Пушкинский музей и его хранитель // Санкт-Петербург — Франция: Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 284—304.

Татьяна Ивановна ответила оригинально: «Капля чистой воды — круглая, сверкающая!»

Одна из наших сотрудниц заметила: «Она вся в этом ответе, ведь капля, в которой отражается универсум, — это образ совершенства». Можно улыбнуться или возразить, но именно этот зрительный образ, заменяющий собою множество поясняющих слов, всплывал в памяти не раз в течение многих лет при мысли о том, что стремление к красоте, ясности и законченности, одним словом — к совершенству, определяет творческий и научный метод Татьяны Ивановны. Взять хотя бы выставки, которых она сделала за свою хранительскую жизнь великое множество. Масштабные международные и миниатюрные, на одну-две витрины, посвященные памятным годовщинам поэта — дням его рождения и смерти, которые Татьяна Ивановна ежегодно устраивает в Пушкинском зале нашего Литературного музея (среди них: «Александр Пушкин. Последний путь», «“Год неблагодарный!..” Поэтические отклики 1837 года на гибель Пушкина», «...в 1799 году, Мая 26-го, в четверг, в день Вознесения»). Эти выставки — и большие, и малые — объединяет артистизм замысла, детальная продуманность концепции и исполнения, которая выражается в манере раскладки рукописей и документов, информативной полноте и прекрасном стиле этикеток и сопроводительных текстов, изящном подборе иллюстраций, и главное — в чувстве меры, в гармонии и согласованности всех перечисленных элементов. Сверкающие капли...

При разговоре о выставках неизбежно вспоминается одна из них, которая в 1995 году была устроена по инициативе Т. И. Краснородько в Литературном музее Института — «Тень Пушкина меня усыновила...» (к 150-летию со дня рождения А. Ф. Онегина). Чтобы воссоединить на время экспонирования разрозненные части огромного онегинского собрания, перевезенного из Парижа в Ленинград в 1928 году и — увы! — расчлененного, вопреки выраженной воле Александра Федоровича, трудились многие представители Пушкинского Дома, Эрмитажа, Русского музея — ученые, дизайнеры, художники; но движущей силой проекта, приведшей замысел к блистательному воплощению, была творческая энергия хранителя Пушкинского фонда. Атмосферу первого пушкинского музея воссоздавали многочисленные фотографии. Драгоценные экспонаты — рукописи, книги, портреты и документы — занимали несколько залов второго этажа. Этот незабываемый праздник науки и культуры был данью благодарности первому хранителю пушкинского наследия. Впоследствии по

материалам выставки был подготовлен каталог, который можно смело назвать образцовым.⁴

Еще одна существенная деталь, характеризующая Татьяну Ивановну как хранителя: когда дело идет о фонде, для нее нет разделения на важные и неважные виды работ. Сегодня она показывает рукописи принцу Уэльскому, нынешнему королю Англии Карлу III, а на завтра с тряпкой и ведром обеспыливает свое хранилище; осуществляет грандиозные научные проекты — факсимильные издания рабочих тетрадей и болдинских рукописей поэта — и заменяет ветхие обложки, нумерует листы, прокладывает автографы микалентной бумагой. Год за годом делается то, что А. Блок называл «муравьиной работой культуры»: создание фонда электронных копий документов, обеспечение реставрации рукописей и книг из личной библиотеки поэта, выдача материалов исследователям, тысячи консультаций, интервью в прессе, на радио и телевидении, блестящие экспертизы автографов, занятия по пушкинской текстологии для аспирантов Пушкинского Дома, студентов российских и иностранных университетов, учителей-словесников, передача экземпляров факсимильных изданий рукописей поэта в пушкинские музеи, научные и вузовские библиотеки многих городов России.

Яркое впечатление оставляют в памяти экскурсии по фонду, научные доклады Татьяны Ивановны и импровизированные — за чашкой чая — рассказы на разнообразные литературные темы. Завораживает прекрасный русский язык, насыщенный старинными оборотами, меткими, образными выражениями; отсутствуют необязательные слова и междометия, нет кружения, нащупывания, приближения к цели: каждое высказывание точно выражает мысль. И нужно заметить, что богато одаренная от природы Татьяна Ивановна приложила немало усилий для совершенствования своей речи: как Пушкин во время оно заглядывал в академический словарь, так и она не расстается с Далем и другими полезными пособиями по русскому языку.

При мысли о нашей многолетней сотруднице в памяти всплывает строка Ахматовой: «щедро взыскана дивной судьбою». В одном из интервью Татьяна Ивановна сказала главное о себе как хранителе:

Мне выпала такая судьба — это больше чем удача, это огромный дар — сохранять бесценное. Это первая и последняя

⁴ «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.

буква в моих обязанностях. Я отвечаю за то, чтобы рукописям Пушкина ничто не угрожало, чтобы были соблюдены все условия — и хранения, и использования, и распространения. В мою задачу входит, как писал Пушкин о няне в Михайловском, «кропотливый ее дозор», которому вверяется его имение. Моя главная роль сводится к тому, чтобы этот дозор был постоянным, кропотливым, внимательным. Тут нужны острый глаз и бережные руки. <...> Пушкин принадлежит всем. Но в эту конкретную минуту он в твоих руках. Удивление перед тем, что это досталось мне, не проходит с годами, и не дай Бог, если оно исчезнет. Я помню о каждом моем предшественнике на этом месте, дорожу тем, что сделали они, и должна помнить, что из моих рук это будет кому-то передано. Сохранять благоговейное отношение — мой профессиональный долг.

В преддверии грядущей в 2024 году славной даты — сорокалетия беспорочного служения Татьяны Ивановны Пушкинскому Дому — остается пожелать ей крепкого здоровья, творческого долголетия и благодатных сил в несении тяжелого и радостного креста Хранителя.

*С уважением и любовью
сотрудники Рукописного отдела
Пушкинского Дома*

Текст подготовила А. В. Герашко

ПУШКИНОДОМКА

Удивительным образом в 1995 году сошлись две даты: 90-летие создания Пушкинского Дома и 150-летие создателя и хранителя Пушкинского музея в Париже Александра Федоровича Онегина (1845–1925).

По случаю юбилея 10 февраля 1995 года в Большом зале Филармонии состоялся концерт Мстислава Леопольдовича Ростроповича «на устройство Пушкинского Дома». Обыкновенно пишут, что концерт прошел по личной инициативе музыканта. Однако, без сомнения, мысль эту заронила в нем Татьяна Ивановна Краснородько, рассказывая Мстиславу Леопольдовичу об истории Пушкинского Дома. Это было возрождением старой традиции благотворительных концертов, которые давались вплоть до 1908 года. Афиша с автографом Ростроповича и сейчас висит в комнате Рукописного отдела, где работает Татьяна Ивановна. Часть средств от этого концерта пошла на устройство онегинской выставки.¹

Сейчас уже трудно вспомнить, кто был инициатором ее создания — Татьяна Ивановна или Сергей Александрович Фомичев. Да, наверное, это и неважно. Несомненно одно: именно Татьяна Ивановна стояла в центре этого уникального проекта. Ее погружение в материалы архива и биографии А. Ф. Онегина помогло и нам, музейщикам, искать и выявлять в музейных фондах уникальные живописные и графические портреты, рисунки, фотографии, мемориальные предметы, поступившие в Пушкинский Дом в 1928 году. В свою очередь, Татьяна Ивановна, знакомясь с материалами

¹ Выставка «Тень Пушкина меня усыновила...» открылась в Пушкинском Доме в декабре 1995 года в Большом конференц-зале и двух выставочных залах.

музейных фондов, углубляла свои знания и представления о своем герое, кем он, без сомнения, для нее стал.

Идея названия выставки — «Тень Пушкина меня усыновила...» — также принадлежала Татьяне Ивановне и родилась благодаря ее знакомству с иконографией Онегина из музейного собрания. На фотографии Онегина 1895 года, подаренной им Борису Львовичу Модзалевскому в Париже в 1908 году, можно прочитать следующую дарительную надпись: «Тень Пушкина меня усыновила, / Онегиным из гроба нарекла. / Вокруг меня “газетки” возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла. / (Но не “Бориса Годунова” / А Модзалевского милбова)... Paris Май Июнь 1908. А. Онегин». Так первая строчка этой надписи, отсылающая к цитате из «Бориса Годунова», с наибольшей полнотой отразила понимание Онегиным своего предназначения. Она же стала названием и символом выставки.

Экспозиционное пространство начиналось в Большом конференц-зале. Важнейшей его частью стала представленная в центре зала история поступления онегинского собрания в Пушкинский Дом. Для этого раздела экспозиции Татьяной Ивановной были отобраны уникальные материалы, отразившие все этапы передачи собрания: от идеи, высказанной Онегиным в письме к А. Н. Веселовскому 1903 года, содержащей важные условия, включенные в Договор Онегина с Академией наук 1909 года, до письма 1922 года советского торгпреда М. И. Скобелева, сообщавшего о важности сохранения коллекции для России и мерах, предпринятых для возобновления договора 1909 года.

Важным документом этого раздела был дневник Модзалевского 1908 года о его поездке в Париж к Онегину для составления охранной описи музея. Отчет Бориса Львовича с подробной характеристикой собрания и резолюцией вел. кн. Константина Константиновича подтвердил несомненность его приобретения. Таким образом, в заключении договора Академии наук с Онегиным в следующем, 1909 году ключевая роль принадлежала именно Модзалевскому, который сумел завоевать доверие «недоверчивого» хранителя. После визита Бориса Львовича в Париж Онегин и Модзалевский более не встречались, но еще в течение 15 лет переписывались вплоть до смерти Александра Федоровича.

На выставке между колоннами большого зала разместились витрины, сделанные в 1910 году для Пушкинского музея Александровского лица по проекту архитектора И. А. Фомина. В них экспонировались раритеты онегинского собрания: рукописи Пушкина, материалы дуэли и смерти поэта, книжная «пушкиниана», русские и зарубежные автографы и др. В витринах вдоль стен

были представлены рукописи, документы, изобразительные материалы, относящиеся к В. А. Жуковскому.

При входе в следующий зал висела карта Парижа, на которой был выделен дом 25 по улице Мариньян, в котором располагалась квартира Онегина, где и был им устроен музей. Посетители выставки — это те же гости Онегина, приходившие когда-то в музей по объявлению в русской газете «Парижский листок». И это тоже была идея Татьяны Ивановны. В этом зале мы попытались воссоздать уголок одной из комнат онегинской квартиры на основе подлинной мебели и личных вещей хранителя. Портреты, выполненные маслом и акварелью (многие в подлинных рамах, заказанных Онегиным), гравюры и литографии, фотографии украсили стены. В этом же зале была представлена изобразительная пушкиниана, в том числе живописные и скульптурные портреты Пушкина, художественная коллекция Жуковского — собственно, все то, что наполняло трехкомнатную квартиру на улице Мариньян. В онегинских шкафах экспонировались прижизненные издания поэта, альманахи, книжные раритеты. Последние, по замыслу Татьяны Ивановны, были дополнены счетами парижских переплетных мастерских. Отдельные изобразительные материалы предоставил Всероссийский музей А. С. Пушкина, куда часть онегинской коллекции была передана в 1953 году.

Наконец, третий зал отдали на откуп молодым художникам с Пушкинской улицы, которые сделали выразительную современную экспозицию, на которой были представлены юбилейные материалы, изготовленные к 100-летию со дня рождения поэта, так называемый китч.

Во время подготовки выставки Татьяна Ивановна включилась в работу не только на уровне концепции, отбора рукописных материалов, но и как экспозиционер, предлагая свою подачу материала, обусловленную не только содержанием рукописей, но и эмоциональными комментариями Онегина на конвертах, папках, копиях автографов, переписанных его рукой. Невозможно забыть, как во время экскурсий Татьяна Ивановна цитировала «хранителя»: «Его Сиятельство Граф Нулин», «Archi-драгоценность» — это об отрывке из «Кишиневского дневника», или «Святые пальцы Пушкина...» — о рисунке поэта на черновом автографе стихотворения «О бедность! затвердил я наконец...» и др.

Вообще экскурсии, которые водила по выставке Татьяна Ивановна, забыть невозможно. Ее сопереживание, влюбленность в Онегина, порой трогательного, наивного, иногда недоверчивого и раздражительного, позволяла представить и его самого, и его

«музейчик». Ее рассказ об Онегине и его музее сочетал в себе научную строгость и глубину с доступностью и яркостью изложения.

Подлинные пушкинские автографы можно было увидеть только в день открытия выставки: для постоянного экспонирования художник Ю. В. Клопов изготовил высококачественные муляжи рукописей. И это также было заботой Татьяны Ивановны как хранителя. Высококласная работа художника позволила в дальнейшем использовать эти виртуозно сделанные копии и в других выставочных проектах.

Все открытия, сделанные во время подготовки выставки, нашли затем отражение в научном каталоге,² для которого Татьяна Ивановна написала вступительную статью под говорящим названием «Хранитель». Необходимо отметить, с каким пониманием и восхищением она пишет об этой стороне личности своего героя, перечисляя папки для рукописей с владельческой надписью «Puchkiniana А. Ф. Онегина», роскошные марокеновые переплеты книг, заказанные им рамки, паспарту и др. Перед читателем предстает образ хранителя, который «тратил почти все свои средства на чистку, реставрацию, переплет, оформление экспонатов, и под его присмотром лучшие парижские мастера придавали предметам музея нарядную, “вкусную” форму».³

В статью Татьяной Ивановной были включены фрагменты писем, воспоминаний, в значительной своей части неопубликованных. Отдельно она поместила статью А. Дермана «В гостях у А. Ф. Онегина»⁴ — забытую публикацию 1941 года. Живые свидетельства современников Онегина, посещавших его музей, погружали читателя в атмосферу онегинской квартиры на ул. Мариньян, 25, и образ создателя музея и его хранителя становился ближе и живее. Вот как описывала своего героя Татьяна Ивановна: «Он был замкнут, мнителен и самолюбив, слаб человеком раздражительным и неживчивым. Только немногие близкие люди знали, как он одинок, как ранима его душа, как чутко к чужой боли его сердце, как он “самоотвержен в дружбе”».⁵

В 1997 году онегинское собрание экспонировалось в Москве в залах Государственного музея А. С. Пушкина. Тот же коллектив, который работал над выставкой в Пушкинском Доме, отправил-

² «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.

³ Краснобородько Т. И. Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 14.

⁴ Там же. С. 21–24.

⁵ Там же. С. 10.

ся в Москву почти в полном составе и за неделю (а это была Страстная неделя) выставка была смонтирована и открыта. Там же прошла презентация каталога. Издание было осуществлено итальянским издательством «Эдитриче Композитори» при поддержке М. Понзеллини; фотографии экспонатов делал И. Джонс, дизайн каталога был выполнен Т. Пламриджем.

В том же году Татьяна Ивановна написала статью «Пушкинский Дом Александра Онегина» для журнала «Наше наследие»,⁶ найдя новые краски для описания своего героя и его «музейчика». Название статьи было по-своему символическим: ей удалось соединить настоящий Пушкинский Дом и уже не существующий Пушкинский музей Онегина в одно целое, вписав последний в историю Пушкинского Дома.

Другим крупным совместным проектом музея, осуществленным вместе с Татьяной Ивановной, была выставка 1999 года «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...». Работа над выставкой совпала с драматическим моментом в жизни музея, когда распался уникальный коллектив, работавший над онегинской выставкой и каталогом. И здесь мне хочется назвать этих людей, которые были вынуждены покинуть стены Пушкинского Дома в преддверии юбилея, — это Лада Ивановна Вунч, Анна Владимировна Лебедкова и Ирина Александровна Снеговая.

В то время этот коллектив только закончил работу над изданием альбома «А. С. Пушкин и его современники в портретах», научным редактором которого была Татьяна Ивановна. Таким образом, музейную часть собрания практически не нужно было выявлять. Юбилейная дата для нас сопрягалась прежде всего с Пушкинской выставкой 1899 года, которая частично была запечатлена на фотографиях. Фрагмент этой выставки с пушкинскими портретами мы тогда попробовали повторить. Экспозицию также украсили портреты из коллекции Российской Академии наук, которые экспонировались на первой выставке Пушкинского Дома в 1913 году.

Поскольку на академической выставке были представлены материалы личных коллекций, решено было и на этот раз пойти по тому же пути. Так, в двух залах музея были показаны материалы собрания вел. кн. Константина Константиновича в обстановке вещей из Мраморного дворца; там же был уголок Пушкинского музея А. Ф. Онегина в Париже и фрагмент экспозиции Лицейского музея с подлинными витринами. Были и семейные

⁶ Краснобородько Т. И. Пушкинский Дом Александра Онегина // Наше наследие. 1997. № 41. С. 28–32.

Сотрудники Литературного музея, Рукописного отдела и Всероссийского музея А.С.Пушкина в день открытия выставки «День Пушкина меня усыновил...» Слева направо: А.Н.Иванова, О.Ю.Хохлова, А.В.Лебекова, Л.Е.Мисидица, Т.С.Ведяникова, А.И.Вуич, В.С.Лошнова, Е.В.Пролет, А.Ф.Некрядова, Т.И.Краснобородавко, Л.К.Хитрово

Т. И. Краснобородко ведет экскурсию по выставке в день ее открытия. Справа — академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН Е. П. Чельшев

Посетители на открытии выставки в экспозиции одного из залов. В центре — В. С. Логинова беседует с П. В. Бекединым

*Создатели выставки «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...»
Л.Е. Мисайлиди, В.С. Логинова и Т.И. Краснобородяко
в день ее открытия*

*Т. И. Краснобородько и А. Н. Аишева в день
открытия выставки в экспозиции одного из залов*

*А. Е. Мисайлиди и Т. И. Краснобородько
во время монтажа выставки*

уголки — Абамелек-Лазаревых, Карамзиных, Горчаковых, Воронцовых-Дашковых и др.

Без сомнения, центральными экспонатами выставки были метрическая книга Сретенского сорока Москвы с записью о рождении и крещении А. С. Пушкина в церкви Богоявления в Елохове и альбом заведующей библиотечным отделением Пушкинского Дома Евлалии Павловны Казанович с автографом стихотворения А. А. Блока «Пушкинскому Дому», первые строчки которого «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...» и стали названием выставки.

Прекрасно зная пушкинские автографы и их происхождение, Татьяна Ивановна импровизировала, выстраивая витрину вокруг наиболее важного, по ее мнению, автографа. Мы же, как сотрудники музея, подстраивались под ее замысел, занимаясь больше организацией пространства и изобразительным рядом. В уголке вел. кн. Константина Константиновича среди прочих материалов можно было увидеть автографы стихотворений «Мадона» («Не множеством картин...») из альбома Юрия Никитича Бартенева и «Козлову» («Певец, когда перед тобой...») — подарок дочери поэта великому князю. Коллекция Абамелек-Лазаревых наряду с семейными портретами была представлена альбомом Анны Давыдовны Абамелек с пушкинским автографом посвященного ей стихотворения «Когда-то (помню с умилением)...». В уголке Карамзиных экспонировалось письмо 1837 года Софьи Николаевны Карамзиной брату Андрею в Париж с переписанным стихотворением «На смерть поэта» «неизвестного поручика Лермонтова». Сильнейшее впечатление на выставке производил автограф «Медного всадника», который не был пропущен в печать Николаем I, с его отчеркиваниями строчек: «Добро, строитель чудотворный! — / Шепнул он, злобно задрожав, — / Ужо тебе!...».

Особая страница моего рассказа — это выставки-миниатюры, которые Татьяна Ивановна делала к ежегодным пушкинским датам: иногда в Большом конференц-зале, а в последнее время — в зале литературы первой половины XIX века. Каждый раз придумывался новый сюжет, который выстраивался на рукописях и документах Пушкинского фонда. Музейный материал на таких мини-выставках, как правило, не использовался. Таким образом, появился совершенно новый экспозиционный жанр, где главенствовала «ее величество рукопись».

Этот опыт позволил Татьяне Ивановне разработать концепцию выставки к 180-летию со дня гибели поэта — «Пушкин. Последний год. Избранные страницы», где предполагалось отследить жизнь Пушкина день за днем, начиная с мая 1836 года до роковой

дуэли. Замысел состоял в построении экспозиции исключительно на подлинных пушкинских документах. Осуществить проект можно было только при условии специального обустройства помещения и наличия оборудования, соответствующего существующим стандартам экспонирования рукописей. К сожалению, найти деньги на этот уникальный проект тогда не удалось.

Полагаю, что онегинская выставка и каталог стали своеобразным началом обращения Татьяны Ивановны к теме истории Пушкинского Дома. Без сомнения, теперь одним из главных ее героев стал Борис Львович Модзалевский (1874—1928) — главный ученый хранитель Пушкинского Дома, исследователь, архивист, знаток пушкинской эпохи, который был (да, вероятно, и остается!) для Татьяны Ивановны профессиональным и нравственным ориентиром.

В 1999 году ею был опубликован дневник Бориса Львовича о его поездке в Париж к Онегину и в Веймар к Павлу Васильевичу Жуковскому в 1908 году.⁷ Дневник и комментарии к нему позволяют увидеть тридцатичетырехлетнего Модзалевского не только радетелем о Пушкинском Доме, тружеником, работавшим в музее по десять часов в день, но и обычным человеком: он бывает в театре, посещает музеи, покупает книги у букинистов. Иногда его сопровождает Онегин. В то же время главная его цель — описать коллекцию и расположить Онегина к себе для заключения договора с Академией. В комментариях Татьяна Ивановна цитирует письмо Модзалевского казначею и чиновнику особых поручений Академии наук В. А. Рышкову, в котором он делится своими впечатлениями: «Дело с Онегиным <...> идет благополучно вперед. Работаю ежедневно с 9 утра до 7 вечера с перерывом в 2 часа на завтрак. <...> Я уже писал, что мои симпатии на его стороне; по приезде все расскажу подробно. Конечно, надо стараться, чтобы его собрание было приобретено; если оно пропадет, будет непоправимая утрата».⁸

Образ Бориса Львовича предстает в различных публикациях Татьяны Ивановны в виде писем, дневников, записок, иногда в оценках его собеседников. В первые десятилетия существования Пушкинского Дома главной его заботой как хранителя было приобретение новых и пополнение существующих коллекций. Одну

⁷ Модзалевский Б. Л. Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского Дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому / Публ. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 9. С. 450—465.

⁸ Там же. С. 462.

важную для хранителя черту Модзалевского приводит Татьяна Ивановна, цитируя в предисловии к письмам Модеста Людвиговича Гофмана к Модзалевскому фрагмент его более поздних воспоминаний: «Я вполне усвоил в этом отношении политику и уроки Б. А. Модзалевского: для того, чтобы ему для Пушкинского Дома наследники литературных семей пожертвовали свои литературные драгоценности, он всюду расстилался перед ними, шармовал их, они таяли и давали ему то, чего он добивался».⁹ Но настали тяжелые времена: в революционные и послереволюционные годы такая «политика» уже не действовала, Модзалевскому приходилось спасать не только архивы, но в некоторых случаях и их владельцев. Так, Татьяна Ивановна приводит следующее свидетельство Гофмана: «Модзалевский принимал также на хранение архивы и рукописи, за хранение которых их владельцы «могли бы поплатиться жизнью»».¹⁰

Личность Модзалевского в последний период его жизни раскрывается в публикации его записных книжек за 1920–1928 годы.¹¹ В предисловии Татьяна Ивановна пишет об этом так: «Изменившиеся за эти годы социальные обстоятельства, которые приобрели характер чрезвычайных, разрушали физические силы Бориса Львовича, но все же не смогли сломить его непреклонной воли, когда дело касалось его научного детища: заботы о сохранении и развитии Пушкинского Дома по-прежнему и несмотря ни на что составляли смысл и содержание жизни Модзалевского».¹² Кроме спасения архивов и частных коллекций, руководства научной деятельностью Пушкинского Дома и собственной исследовательской работы Борис Львович был вынужден взять на себя и административную нагрузку. По словам Татьяны Ивановны, в записных книжках «зафиксирована не только хроника Пушкинского Дома, они — важнейшее документальное свидетельство личной биографии его создателя».¹³

Уникальной можно назвать комментаторскую работу Татьяны Ивановны в этой публикации, которую можно сравнить только с комментариями самого Бориса Львовича: количество имен,

⁹ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть 1 (1904–1921) / Публ. Т. И. Красноробордько при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 184.

¹⁰ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть 1 (1904–1921). С. 196.

¹¹ *Модзалевский Б. А. Записные книжки 1920–1928 гг.* / Публ. Т. И. Красноробордько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 7–191.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же.

событий, которые она прокомментировала, более чем в три раза превышает объем собственно записных книжек. Примечания — а их 520! — не только дают представление о деятельности самого Модзалевского в эти годы, но и знакомят с жизнью Пушкинского Дома и его сотрудников.

В это же время Татьяна Ивановна готовит к печати письма к Модзалевскому еще одного пушкинодомца — историка литературы, талантливого пушкиниста Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959) за 1904–1921 и 1922–1926 годы.¹⁴ В предисловии к публикации Татьяна Ивановна пишет о том, что «письма <...>, а также воспоминания Гофмана¹⁵ представляют собой благодарный материал к первоначальной истории Пушкинского Дома. Они возвращают к тем “летописным временам”, когда закладывался надежный, незыблемый фундамент его коллекций — рукописных, книжных, музейных — и когда вокруг Модзалевского постепенно собирались его единомышленники — пушкинодомские труженики и пушкинодомские дарители».¹⁶ Образ Бориса Львовича в этих письмах несколько притушеван. Здесь он учитель, старший товарищ, всегда готовый прийти на помощь.

Героем нового времени для Татьяны Ивановны на этот раз становится Модест Гофман, с которым Модзалевский связывал большие надежды, считая его своим «alter-ego <...> в отношении любви к Пушкину и к его Дому», — так писал Борис Львович Онегину 21 ноября 1922 года.¹⁷ Энергичный, увлеченный, талантливый, не лишенный авантюризма — таким рисуется Модест Людвигович в письмах, в обширном предисловии Татьяны Ивановны, представляющем собой, по-видимому, первую биографию исследователя, похожую на приключенческий роман.

Чудесным образом в этой публикации соединились три героя Татьяны Ивановны — Онегин, Модзалевский и Гофман. Последнему суждено было завершить историю взаимоотношений

¹⁴ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 180–238; Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 797–943.

¹⁵ В предисловии и комментариях Татьяна Ивановна уточняет, что полноценных воспоминаний Гофман не оставил — только статьи в различных журналах мемуарного характера. К воспоминаниям она условно также относит неопубликованные письма из архива внуков Гофмана, из которых она цитирует фрагменты (см.: Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 181, примеч. 4).

¹⁶ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 180–181.

¹⁷ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II. С. 803.

Онегина с Пушкинским Домом и Академией наук. Именно Гофман в 1922 году был направлен в Париж для возобновления договора с Онегиным, который был подписан и заверен нотариусом 7 декабря 1922 года. В 1924 году Гофман отказался вернуться в Россию и стал эмигрантом. Тем не менее после смерти Онегина в 1925 году он принимал участие в составлении описи музея и подготовке его к переезду в Россию. Он также составил научное описание собрания.¹⁸

Татьяной Ивановной когда-то задумывалась книга об Онегине, с которым она сроднилась во время погружения в онегинский архив и биографию коллекционера. В то время этот замысел не осуществился, но волею судьбы пророс в судьбах других героев — создателей Пушкинского Дома, продолжателем служения которому является и она сама.

Восстанавливая в своих публикациях события минувших лет жизни Пушкинского Дома, Татьяна Ивановна воссоздавала тот утраченный мир — и сама становилась на это время современницей первых пушкинодомцев, их коллегой и собеседницей.

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года
Не нашей жизни, нет. — Столетьем отдаленны,
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный, просвещенный,
Судивший нам и *лиру*, и *сову*.
Иных годин настигла нас чреда.
И, современные, мы — что ж — несовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неизменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда.¹⁹

Л. Е. Мисайлиди

¹⁸ Гофман М. А. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. Опубликовав книгу под грифом «Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad», Гофман нарушил права литературной собственности Академии наук, навсегда порвав свои отношения с Академией и коллегами-пушкинистами.

¹⁹ Эти стихи вошли в нашу жизнь благодаря Татьяне Ивановне. Именно она предложила Ладе Ивановне Вуич, автору вступительной статьи для альбома «А. С. Пушкин и его современники в портретах» (СПб., 1999), завершить ее стихотворением ученого секретаря Пушкинского Дома Бориса Ивановича Колпана «Пушкинскому Дому» (1922). Эти стихи прекрасно передавали дух Пушкинского Дома и его обитателей 1910–1920-х годов, и как нельзя более отражали и наш общий настрой сопричастности тому времени.